

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

И.В. СЛЕДЗЕВСКИЙ

Мультикультурализм: хрупкий баланс между интеграцией и дезинтеграцией

В статье анализируется трансформация гражданского общества под влиянием глобализации и роста культурных различий, роль в этом процессе политики мультикультурализма.

Ключевые слова: мультикультурное и гражданское общество, национальное государство, культурные различия, межкультурный диалог, политика мультикультурализма и ее критика.

In article representations about transformation of civil society under the influence of globalization and growth of cultural distinctions are analyzed, a role in this process of policy of multiculturalism is shown.

Keywords: multicultural and civil society, national state, cultural distinctions, intercultural dialogue, policy of multiculturalism and her critics.

И среди специалистов-обществоведов, и в авторитетных общественно-политических кругах западных стран давно утвердилось представление о мультикультурализме как всесторонней легитимации принципа культурного плюрализма, признании и узаконении культурных различий на самых разных уровнях организации общества – от школ и университетов до политического устройства страны, национальной и языковой политики. Это понимание его мировоззренческих основ и практики приобрело многочисленные смысловые коннотации, создало особый политический дискурс, нашло выражение в постмодернистской философии и идеологии принципиального, неограниченного многообразия общества, в модели плюралистической (мультикультурной) демократии. Последняя – как считают ее убежденные сторонники, отражает отсутствие у народа чего-либо похожего на единую волю и поэтому, по определению, не может быть безусловной властью большинства. Из понимания мультикультурализма как всесторонней легитимации культурных различий исходят, как правило, и его сторонники, и его критики и противники. Первые отмечают нарастание *культурных контактов и смешения культур* в качестве характерной черты современного общества, вторые обращают внимание на неудачи *политики мультикультурализма* в деле интеграции западных обществ [Паин, 2011]. В последнем случае говорится даже о провале или крахе политики мультикультурализма (примеры – выступления канцлера ФРГ А. Меркель 18 ноября 2010 г. и премьер-министра Великобритании Д. Кэмерона 5 февраля 2011 г.).

Сейчас мультикультурализм признан официальной политикой в Канаде, Австралии и некоторых других странах. Его принципы во многом определяют культурную политику США и Голландии. Начиная с 1998 г., создание мультикультурного

общества было признано неофициальной целью культурной политики в Германии. Идеи и ценности межкультурной справедливости, демократического равенства в сфере культурных различий приобрели значение нормативной политической теории и культурной философии (своеобразно направления культурно-философского эссенциализма). Однако понимание мультикультурализма и как политического проекта (политики признания культурных различий), и как модели поликультурного общества, и как особого плюралистического дискурса, призванного подчеркнуть значение интеграции культурных различий, свободного выражения интересов и ценностей различных социокультурных групп, больше констатирует, чем объясняет принципиально новую ситуацию в положении социокультурной системы современных государств. По своей сути и происхождению эта система связана с развитием гражданского общества как особым типом коллективности, основанным не на культурных различиях и выражающих их традициях, стереотипах и предрассудках, а на сознании принадлежности к общей культуре гражданского типа, *единстве национального и гражданского*. Это единство, а значит, и сохранение гражданского общества как социально-организованной, интегрированной структуры становится открытой проблемой в типичной для культурного плюрализма ситуации неограниченного нарастания различий, когда мера различий перестает определяться и контролироваться самим обществом, его культурной системой и начинает складываться “под давлением общин” (термин Э. Паина).

Мультикультурализм и проблема социокультурной интеграции современного общества

Как явление и тенденция социокультурного развития культурное разнообразие всегда присутствовало в официально гомогенном пространстве национально-гражданской культуры; в нем всегда существовали периферийные или подчиненные культурные и лингвистические идентичности, этнические, расовые, конфессиональные сообщества. Однако эти сообщества никогда не оспаривали центрального положения национальных культур и, больше того, обычно стремились сблизиться с ними, уменьшить разделяющие их отличия. Несмотря на воспроизводство культурных различий, базовой моделью национально-гражданского типа аккультурации, то есть выбора культурной идентичности и включения в чужую культуру, на протяжении десятилетий оставалась ассимиляция – принятие ценностей и норм основной культуры, единение нации как морального сообщества равных. К этому, по существу, безальтернативному варианту аккультурации сводились принципы, нормы и возможности социокультурной интеграции общества.

Сегодня ситуация кардинально изменяется. И дело не в самом по себе факте множественности культур, но в качественно новом характере их воспроизводства, восприятия и распространения в глобальном масштабе. Мера и характер культурных различий перестают определяться и контролироваться социокультурным, гражданским порядком внутри национальных государств, не фиксируются и не регулируются эффективно национально-государственными границами гражданского общества. Трансграничные связи и отношения приобретают часто большее значение, чем факт проживания в стране и достигаемый при этом гражданский статус.

Для понимания причин и последствий этой трансформации – а ее глубокий и глобальный характер не вызывает сомнений, – мало что дает и объяснение “взрыва” интереса к групповым культурным отличиям сопротивлением традиций современности, современной массовой культуре, возрождением этнического самосознания. Поворот к межгрупповым культурным различиям удивительным образом вписывается в современный, а не традиционный мир; это проявляется в очевидном редуцировании этнических традиций. Падает значение традиционных форм личного самоконтроля, способов снижения социальной напряженности и разрешения конфликтов, но зато резко возрастает роль всего, что может служить укреплению *групповых коллективных*

идентичностей. Групповая идентичность, как точно заметил французский культуролог А. Буржо, приобретает характер фетиша, поднимается до уровня *идентифицирующей идеологии*, которая в свою очередь производит на свет не прежнюю идентичность, а “этничизм” [Буржо, 2005, с. 54]. Конструируются новые образцы и традиции этнического, они компенсируют приниженный статус периферийных и дискриминируемых культурных групп, привлекают публичное внимание к практикам исключения этих групп из сообщества полноценных граждан, трансформируют субкультурные идентичности в *корпоративные*, основанные на отношении взаимопомощи и солидарности.

Оценивая эти сдвиги в целом, надо отметить изменение роли мультикультурности как феномена культурной идентичности и как фактора межкультурной коммуникации в социальной и политической организации современного общества. Для современного гражданского общества характерно превращение культуры в самых различных ее формах в арену интенсивных политических взаимодействий, противоречий и столкновений. При этом заметно трансформируется само понятие культуры, значение ее кодов, коммуникативных норм и практик, культурно-исторических нарративов. Культура в этих своих аспектах становится в значительной или в большей степени синонимом, обоснованием, символическим выражением *коллективной идентичности* – этнической, религиозной, национальной, цивилизационной. Факторы роста значения коллективных форм культурной идентичности не надо далеко искать, это результат современной глобализации как пространственного сближения и социальной интеграции культурных различий. Конечно, и раньше миру было присуще безграничное культурное разнообразие. Но в прежние эпохи из-за сложности глобальных коммуникаций, большей или меньшей привязанности повседневной жизни человека к одному определенному месту, эта особенность не ощущалась остро, человек воспринимал культурное разнообразие через призму привычных и сравнительно узких образцов и норм, снижавших или подавлявших открытое выражение культурных отличий. В эпоху информационной революции и стремительного развития глобальных коммуникаций встречи и регулярные взаимодействия с другими культурами уже не представляют особой сложности.

Нынешняя мультикультурность – это отчетливо выраженное свойство социальной реальности на уровне повседневного существования значительной части, если не большинства из ныне живущих людей. Если раньше попытки устранить культурные различия могли расцениваться как негуманные, фанатичные, одиозные действия, то в наши дни они противоречат духу времени, логике глобализации (по крайней мере, в ее современных формах и масштабах). Однако мультикультурность меняет не только рамки, но и характер гражданского общества как условия и способа свободного развития ассоциативной жизни, сферы самоорганизации людей по интересам и убеждениям. Нормативной основой такого общества, сложившегося в условиях новоевропейской цивилизации, стало равновесие, равное развитие трех составляющих социально-политической организации – *человека, общества и государства*. В современных условиях стирания национальных границ, развития трансграничного пространства повседневной жизни многих людей важной и необходимой составляющей этого баланса становится культура – *мера культурных различий*, возможности их открытого выражения и защиты в публичном пространстве. В такой ситуации в той или иной степени меняется и содержание политики. Новым важным элементом становится утверждение статуса и права различных меньшинств на самостоятельное определение содержания и границ своей собственной идентичности, признание этих прав за коллективными субъектами социальных и политических отношений – этническими, религиозными, субкультурными группами и сообществами.

Однако уже в 1990-е гг. – на волне подъема новых общественных движений в странах Запада – стало понятно, что расширение и легитимация пространства открытого культурного плюрализма не снимают, а обостряют вопрос: к какому сообществу и во имя каких ценностей должен адаптироваться человек? Этот вопрос приобрел большую политическую остроту прежде всего в тех западных странах, культура которых

складывалась как национально однородная (по крайней мере, нормативно), основанная на *мононациональной* гражданско-политической идентичности. Характерный для этих стран порядок политически обязательного членства в нации (согражданстве) и принятия, хотя бы в публичной жизни, образцов и ценностей основной культуры перестал быть безальтернативным. И внутри государства-нации, и на его границах возникли разнообразные социокультурные ниши и целые культурные пространства, не включенные в господствующую культуру, но тем не менее позволяющие занять достаточно прочные социальные позиции в принимающем обществе вне культуры большинства и налагаемых ею обязательств. Главную роль тут сыграли качественные и количественные изменения в структуре и масштабах международных миграций населения, развитие глобальных коммуникаций, образование нового типа диаспор – трансграничных групп и целых сообществ, поддерживающих тесные связи с исторической родиной, эрозия института национального (унитарного) гражданства. Культурная ассимиляция, которая еще в середине XX в. оставалась основной формой аккультурации в мононациональных странах Запада, перестала быть обязательной нормой включения иммигрантов в систему гражданских отношений. Напротив, отличительной чертой гражданской жизни в этих странах стало появление, прежде всего в иммигрантской среде, альтернативных языков общения, стилей жизни и общения, замкнутых конфессиональных сообществ, особых форм социальных культурных коммуникаций, обычно имеющих устойчивый транснациональный характер.

Сетевые сообщества – альтернатива модели государства-нации

Ответом на эти глубокие изменения в социокультурной структуре гражданского общества стала доктрина, а вместе с ней и политика мультикультурализма. Интерпретация доктрины мультикультурализма часто сводится к сохранению и развитию в отдельно взятой стране культурных различий, поощрению культурного плюрализма и превращению его в норму публичной жизни. В действительности, за этим общим и нормативным определением скрывается более глубокий социальный и политический смысл. Мультикультурализм сегодня – не просто политика, а быстро набравшее силу в 1980–1990-е гг. общественное и идейно-политическое течение, переопределяющее нормативные основы традиционной индивидно-гражданской модели демократического общества. Как течение общественной мысли и политическое движение мультикультурализм не просто легитимирует культурное разнообразие, но превращает его в альтернативу социокультурному порядку национальных государств. Альтернативу, которая набирает силу внутри этого порядка, использует его возможности для собственной легитимации, но при этом делегитимирует сам этот порядок, а вместе с ним и модель “государства одной нации”. Именно нелегитимность государства-нации становится своего рода фоном для многочисленных разновидностей мультикультурной политики, официально объявленной рядом государств¹.

Альтернативой социокультурным основам государств-наций мультикультурализм делает не глобализация культуры вообще, а конкретные факторы и тенденции современного социокультурного развития. Это становится очевидным, если представить, как изменяется культурная конфигурация современных обществ и насколько эти изменения выходят из-под контроля национальных государств.

Культурная конфигурация, по определению, не может быть нейтральной или ничейной по отношению к тому или иному сообществу; в ней воплощается специфическая совокупность культурных черт этого сообщества. Культурную конфигурацию

---

¹ Суть этой политики выражает норма так называемого эффективного равенства – наделения дополнительными правами культурных меньшинств с целью уравнения их положения с положением доминирующего большинства. Норма эффективного равенства признана в Канаде, Австралии, Швеции, США (в сфере образования), в Индии, Малайзии, Южно-Африканской республике. В 1990-х гг. принцип “поощрения и защиты прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам”, вошел в документы ведущих международных организаций.

гражданских, национально-территориальных сообществ отличает наличие целостного общенационального ядра; в его роли выступает, как правило, доминирующая общенациональная культура и общенациональный язык.

Это ядро остается непоколебимым, пока входящие в него элементы сохраняют значение общенациональных институциональных практик и занимают доминирующее положение в иерархии культурных форм. Будучи закрепленными в виде обязательных культурных стандартов (через маркировку их как “национальных”), эти элементы усиливают роль в культурной конфигурации гражданского общества институциональных средств регуляции и коммуникации (институт унитарного гражданства, политическое устройство, кодифицированное право, система письменности, литературный язык). И в то же время ослабляют, отодвигают в частную жизнь самостоятельную роль межкультурной и межгрупповой коммуникации.

С этим типом социокультурных систем, еще недавно считавшихся каноническим образцом национально-гражданского устройства общества, сегодня успешно конкурируют социальные сообщества и культурные конфигурации принципиально иного, сетевого типа. Сетевые структуры ограничивают, а часто сводят на нет распределение культурных образцов, форм, способов коммуникации по иерархическому и институциональному признакам и по принадлежности культурных систем к национальным территориям. В условиях современной информационной экономики, грандиозного скачка в развитии мирового транспорта и коммуникационных технологий, сетевые структуры становятся конкурентоспособной, наиболее адаптивной и быстро развивающейся формой социальных отношений, общественной самоорганизации и культурных взаимодействий. Жизнь и работа в “сети” выдвигают на первый план мелкие децентрализованные организации и группы, неформальные отношения, сводят на нет прежнее фатальное значение пространства и национальных границ, государственного контроля, давления стандартов и обязанностей национальной культуры. В то же время огромные возможности взаимопомощи, социальных контактов, “обхода” государственного контроля превращают сетевые структуры в один из главных факторов роста глобальных миграций и развития трансграничных мигрантских сообществ.

Сетевой тип сообществ и социальных структур предполагает особый тип социокультурных взаимодействий и культурных конфигураций, альтернативный социокультурному порядку национальных государств. В сетевых отношениях важна не сама сеть и даже не достигнутый с ее помощью результат, а непосредственное общение, обмен информацией между людьми. Смысл жизни и работы в сети – не упорядочение межнациональных и социальных взаимодействий (централизованный контроль, управление, выполнение безличных и универсальных социальных ролей), а быстрая передача информации, способность к установлению связей, адекватное восприятие и понимание партнера по общению, другими словами, социальные и межкультурные коммуникации. Коммуникативные процессы все ошутимей влияют на культурные конфигурации, замещая, преодолевая, игнорируя сложные иерархические системы.

Место положения в культурной иерархии начинает занимать включенность в сеть, коммуникативное включение / исключение. Оно определяется неформальной, коммуникативной близостью участников сети, коммуникативным стилем, символами и знаками, которые используются в процессе обучения и столь же важны, как и передаваемая информация. Сеть приобретает особую, только ей присущую культурную конфигурацию с момента появления общесетевого символа – каких-то внешних знаков идентификации, их презентации, постепенного отождествления с правилами жизни, то есть превращения в определенный культурный код. Обретение общего символа, точнее – особой символической структуры, знаменует начало самоорганизации сообщества, практически равнозначного коммуникационной сети. Важность символа заключается в том, что вместе с ним некое множество людей обретают самосознание, сетевую идентичность и таким образом превращаются в общность. В силу того, что главную роль в этом процессе играет коммуникация, коммуникативное взаимодействие, а не выстраивание социальных иерархий, первичным фактором образования,

воспроизводства и развития общности становится *общегрупповая коммуникационная идентичность*. Именно общая идентичность участников коммуникации обеспечивает и регулирует отношения в коммуникации, определяет ее конкретную форму и механизм общения и в большей степени его сферу и содержание. Соответственно и в признаках самой идентичности на первый план выходят коммуникационные и поведенческие коды – сценарии действий, лингвистика, риторика общения и т.д. Сообщество развивается по принципу: за символом (общей идентичностью) – группа; вне символа (идентичности) – за рамками группы.

Это, конечно, предельно упрощенная схема формирования сетевых сообществ. Образующие их коммуникативные структуры могут сочетаться с традиционными отношениями иерархического типа, входить в них, служить их дополнением или периферией. Но эта схема позволяет понять, почему по мере повышения роли коммуникации и падения значения институционально-иерархических структур на первый план в культурной конфигурации социальных отношений выходит коллективная культурная идентичность.

Дело не только в специфических свойствах идентичности, развивающейся в сетевых сообществах и ставящей их участников в особое положение по отношению к господствующему социокультурному порядку. Эта “особость” может быть латентной, временной, “игровой”, если речь идет просто о сетевом типе социальных и культурных коммуникаций. Альтернативой основным культурам “сетевые” идентичности становятся в контексте культурно-маргинальных слоев и групп населения, которые по тем или иным причинам не интегрируются успешно в основную культуру, не находят решения своих проблем в ее рамках или отторгаются ею, занимают в социальной иерархии позиции периферийных или изолированных социальных локусов. Подобная ситуация типична для новых и недавних мигрантов, дискриминируемых гендерных групп, этнических и религиозных меньшинств, молодежи, сталкивающейся с растущими трудностями социализации в непрерывно изменяющемся обществе. Культурная конфигурация, основанная на внутрисетевых коммуникациях, представляет для них оптимальную среду времяпровождения, общения, жизни вне господствующего социокультурного порядка. В новой конфигурации социокультурных позиций традиционные для этого порядка практики включения/исключения “чужого” – дискриминация по культурным, гендерным и иным признакам, локальная изоляция, приписывание отторгаемым группам отрицательных коллективных характеристик или воспитание коллективной ненависти к самим себе – парадоксальным образом превращаются в основу альтернативных движений, групповых и надгрупповых социальных образований.

В этой системе – “обществе сетевых структур”, по определению М. Кастельса [Кастельс, 1999, с. 296], не просто идут рядом, но сливаются в единое целое коллективная идентичность и образование сообщества или общественного движения, стремление индивида к самобытности, индивидуальная самоидентификация и обоснование этого стремления специфическими чертами группы, к которой он принадлежит или причислен его окружением. Признание со стороны общества коллективной идентичности группы выглядит равноценным признанию социальных и политических прав гражданина как автономной личности. Маргинальные социальные локусы трансформируются в сетевые движения контркультурного или субкультурного типа, членов которых зачастую объединяют исключительно претензия на коллективное самовыражение и негативная идентичность – ощущение и подчеркнутая репрезентация непринадлежности к основной культуре и национально-гражданскому сообществу. В случае же официального одобрения государством мультикультурализма негативная идентичность становится важным политическим ресурсом, конвертируется в дополнительные права и преимущества.

Риски фрагментации мультикультурного общества

На пике своего экономического могущества западное общество сталкивается с тенденциями, рисками, угрозами фрагментации (дезинтеграции) как единого социокультурного целого. Тенденции, риски и угрозы, о которых идет речь, весьма специфические. Их нельзя определить в терминах простого отрицания, изоляции, сепарации культур, разделения доминирующего большинства, принадлежащего к основной культуре, и инокультурных меньшинств. Сфера межкультурных контактов на уровне повседневного межличностного общения резко расширяется, входит в пространство повседневной культуры на уровне отдельного человека, локальной группы или сообщества. Межкультурное взаимодействие, диалог культур превращаются в одну из главных доминант развитого современного гражданского общества, особый фактор повышения его сложности. При этом открываются широкие возможности для общения представителей различных культур. Реальной ценностью социальной жизни становится право каждого члена гражданского общества оставаться самим собой, свободно выбирать свою культурную идентичность и менять ее конфигурацию.

Тенденции, риски и угрозы дезинтеграции национально-гражданского целого нельзя также связывать с тем, что этнические меньшинства и вновь прибывающие группы мигрантов сохраняют свою идентичность или, напротив, теряют ее, не приобретая той, которая господствует в принимающем обществе (культурная маргинализация). Сохранение этнической или конфессиональной идентичности далеко не всегда затрудняет процесс аккультурации, но подчас облегчает его. В то же время нарастание маргинализации может тормозиться или поворачиваться вспять благодаря социокультурной интеграции, то есть идентификации себя как со старой, так и с новой культурами.

Расширение рамок межкультурного взаимодействия как на уровне непосредственных межличностных контактов, так и на уровне сетевого общения, несомненно, повышает адаптивное и в целом развивающее значение межкультурных коммуникаций [Сырдеева, 2001, с. 65–67]. Результаты межкультурного обучения – развитие культурной восприимчивости, способности правильно интерпретировать поведение инокультурного партнера, толерантное отношение к нему – могут преодолевать негативный опыт восприятия новой культуры, ослаблять влияние негативных культурных стереотипов. Для определения развивающего значения мультикультурализма в англоязычной исследовательской литературе предлагаются понятия “продуктивного ресурса инаковости”, “развивающих ситуаций культурного обмена и перемещения идентичностей”, “культурного капитала”. Предлагающие эти понятия английские исследователи М. Калантзис и Б. Коуп особо отмечают, что в процессе включения инаковости в общественные процессы «разнообразие перестанет быть проблемой “меньшинств”, а превратится в центральный вопрос общественных институтов» [Kalantzis, Cope, 1999, p. 252].

Во всех этих проявлениях мультикультуралистской альтернативы нет какой-либо прямой угрозы социокультурным основам и стандартам единства национально-государственных сообществ, тем более, угрозы раскола. Не случайно образцом, смысловым концептом социокультурной интеграции теперь выступает уже не ассимиляция инокультурных групп, а включение этих групп в социальную и политическую систему гражданского общества без обязательного принятия культурной идентичности большинства.

Тем не менее культурный обмен между принимающим обществом и сообществами, группами субкультурного, субнационального уровня означает для обеих сторон не одно и то же. “Принимающая” сторона – организованное в государство гражданское общество – приобретает новое культурное достояние (культурные стили и модели поведения, образы жизни и культурные коды, ценности и способы социализации), отказываясь от своего безусловного культурного суверенитета (о суверенитете национальных государств в культурной сфере см.: [Малахов, 2002, с. 87–94]). Принимаемые группы и сообщества вынуждены самоопределяться по отношению к основной культуре, принимая отчасти ее язык, поведенческие коды, ценности и т.д., но получают

большие или меньшие возможности для своей локализации в социальной структуре и коммуникационной среде.

Смысл подобного культурного обмена выражает его общая формула – “пространство” основной культуры, гражданской идентичности обменивается на приобретаемые обществом новые формы культуры и образцы групповых идентичностей. Это, конечно, обоюдный обмен, но потери и приобретения, которые он приносит обеим сторонам, неравнозначны. В обмен на приобретаемые иные культурные формы основная культура должна уступить часть символического и смыслового пространства своей идентичности, иными словами, определенную долю способности отличать “свое” культурное пространство от “чужого”. В этом есть определенная опасность для культуры принимающего общества. Обменивая часть пространства своей идентичности на элементы “чужих” культур, она рискует нарушить тот баланс внутренней устойчивости / неустойчивости, тождественности / отличий, который зависит как раз от способности культуры отличать “свое” общество от “чужого”, положение “своего” общества по отношению к другим в геокультурном пространстве. По достижении определенного уровня дисбаланса культурного разнообразия, с одной стороны, и выражаемого через общую, коллективную идентичность символического единства общества – с другой, основная культура способна утратить эту способность принимать “свое” за “чужое”, а “чужое” за “свое”, что в перспективе может означать для нее угрозу локализации и маргинализации, а для общества – риск межкультурных столкновений и социокультурной фрагментации. Острота и масштабность этой угрозы определяются тем, что ее нельзя вытеснить на периферию гражданских отношений. Анализируя требования мультикультуралистов, С. Бенхабиб обращает внимание на тот факт, что “столкновения на почве культурного разнообразия, политическое и нравственное обучение, а также трансформация ценностей происходят... в публичной сфере, находящейся внутри гражданского общества” [Бенхабиб, 2003, с. 126]. И практические результаты распространения мультикультурных практик за последние десятилетия, и сама логика этого процесса указывают на общую тенденцию к снижению еще недавно казавшейся бесспорной способности национальных государств к сохранению собственных культурных оснований, различению “своего” и “чужого”.

Логика и динамика мультикультурной трансформации западных обществ

На первом этапе своего развития (1960–1970 гг.) мультикультурные практики определялись почти исключительно внутренней политикой отдельных западных государств (в основном, стран иммиграционного типа или принявших большие группы иммигрантов) и не рассматривались как вызов их национальной идентичности. Эта политика принимала формы поддержки ассоциаций этнокультурных меньшинств с помощью специальных служб и программ (Канада), поощрения многоязычия в США, создания этнических школ и борьбы против дискриминации в отношении расовых меньшинств (Австралия), предоставления возможности свободного выбора между этнической идентичностью и принадлежностью к основной культуре (Швеция).

Вместе с мультикультурными практиками в национально-гражданскую культуру вошли принципы, не свойственные ее базовым основаниям: приоритет групповых прав по отношению к правам автономной личности, равенство достигаемых социальных результатов вместо гарантируемого государством равенства стартовых возможностей; ценность расовой и этнической принадлежности человека в противовес гражданской ценности “общего блага”. В логике мультикультурализма эти принципы означали “демонтаж культурных иерархий”, признание самоценного значения малых, периферийных культурных форм и т.д. Однако для базовой культуры национально-гражданского типа это было равнозначно переопределению “своего” и “чужого”. Нечто доселе чуждое – возможность формирования автономных культурных и расовых сообществ – начало восприниматься как понятное, обоснованное, признанное “свое”. Признаки,

которые раньше использовались исключительно для различения “своих” и “чужих”, граждан и неграждан, – расовые, этнические характеристики, начали превращаться в проявления “своего” – политического плюрализма, равенства прав и т.д.

В 1980-е годы порядок присоединения к гражданскому обществу его новых членов перестал быть универсальной культурной нормой гражданских отношений. Внутри принимающих обществ возникли разнообразные социокультурные ниши и целые культурные пространства, не включенные в базовую культуру, однако позволяющие занять прочное место в системе социальных гарантий вне культуры мейнстрима и налагаемых ею обязательств. Важную роль в этом процессе сыграли количественные и качественные изменения в характере внешних миграций: неуклонное возрастание притока мигрантов в развитые страны с конца 1960-х гг. (за последние четыре десятилетия XX в. общее число иммигрантов в эти страны выросло в десятки раз); резкое уменьшение доли иммигрантов из европейских стран в пользу выходцев из Азии и Латинской Америки и, соответственно, растущая несовместимость образа жизни новых иммигрантов и доминантной культуры; образование доминирующих “источников миграции”, приводящее к появлению в иммигрантской среде альтернативных языков общения, стилей жизни, особых социальных и культурных коммуникаций. Альтернативность образа жизни иммигрантов оказывалась во многом вынужденной, обусловленной замедлением экономического роста и увеличением безработицы и т.п. Но в новой мультикультурной среде иной образ или стиль жизни превращался в воспроизводимый социокультурный ресурс адаптации иммигрантов, не связанный непосредственно с принятием основной культуры. В результате внутри традиционных структур национальных культур, языков, национально-гражданских идентичностей возник потенциально дезинтеграционный процесс – массовая иммиграция без обязательной адаптации инокультурных иммигрантов к нормам и ценностям основных культур. Впервые широко проявившийся в 1980-е гг., этот процесс уже в тот период получил легитимацию в идеологии мультикультурализма и философии постмодернизма. В традиционно иммигрантских странах (США, Канада, Австралия) в политический и научный обиход вошло определение обществ этих стран как “плюралистических”, “открытых”. Включение иммигрантов в доминантную культуру превратилось из синонима гражданской идентичности, доказательства приверженности “нашим” культурным и политическим ценностям в синоним “чужого” – этноцентризма, нарушения прав личности, практик социального исключения мигрантов и т.д.²

В 1980-е гг. наметилась и тенденция разрушения самого национально-гражданского типа культурных конфигураций, основанных на жесткой иерархии культурных признаков, верховенстве национальной идентичности и принципе привилегированности национального гражданства. Эти конфигурации были практически непоколебимы, пока прочность связей внутри отдельных социальных сегментов и субкультурных сообществ не могла сравниться с прочностью и авторитетом макросоциальных сетей, складывавшихся на протяжении долгого времени вокруг базовых политических и социокультурных институтов, таких как гражданство, семья, национальная церковь, соседство и т.д. Однако в 1980-е гг. уже трудно было оспорить тот факт, что эти сети разрушаются, теряют базовое значение под влиянием географической мобильности населения, а им на смену приходят новые сети, ориентированные не на поддержание традиционных ценностей, а на обмен идеями и информацией, получение доступа к ресурсам в обход или за пределами формальных институтов и традиционных социальных иерархий [Нейсбит, 2003, с. 276].

В 1980-х гг. под давлением мультикультурных движений начала стремительно сокращаться разница между гражданами и негражданами западных стран, и этот процесс стал восприниматься как обыденное, неизбежное проявление глобализации. Принцип

---

² О том, как далеко зашел в 1980-х гг. этот процесс, свидетельствует начавшаяся в те годы в США кампания против программ американизации иммигрантов. Эти программы были представлены антиамериканскими, исходящими из порочной идеи о том, что Америка имеет общую национальную судьбу [Хантингтон, 2004, с. 223].

особости прав граждан потерял прежнее значение после того, как многие европейские страны (в том числе Великобритания, Франция, Германия, Нидерланды, Швейцария) распространили гражданские, социальные и даже политические права на резидентов инонационального происхождения. В США аналогичная тенденция уравнивания прав граждан и неграждан была закреплена множеством судебных решений, запрещавших правительствам штатов предоставлять людям имущественные и социальные права исключительно на основании их гражданского статуса. Под влиянием распространившейся практики признания двойного гражданства и, соответственно, двойных лояльностей, двойных национальных идентичностей граждан принцип привилегированности гражданства (исключающего возможность обладания несколькими гражданствами сразу) потерял прежнее значение бесспорной нормы. В международной практике возникло отношение к гражданству как к неотъемлемой характеристике личности, статусу лица вне зависимости от места его проживания, но не как к статусу, передаваемому человеку правительством страны. Гражданство перестало включать нерасторжимую связь самоидентификации отдельного гражданина с общенациональной культурой.

В 1990-е гг. интеграция иммигрантов в развитые общества приобрела вид упрощенной, зачастую поверхностной натурализации, продиктованной по большей части стремлением иммигрантов приобщиться к преимуществам общества всеобщего благополучия, а не к его национальной идентичности. Возникли практически не контролируемые национальными государствами и чреватые конфликтами одновременные процессы включения мигрантов в принимающее общество и их групповой консолидации на общинной и трансграничной основе. Использующие преимущества натурализации, но не отвергающие, а часто даже укрепляющие прежние привязанности, иммигрантские сообщества часто создают теперь новое пространство лояльностей, идентичностей, сетевых отношений. Это пространство не укладывается ни в представления о верховенстве национальной идентичности и доминантной роли основных культур, ни даже в привычное понятие “территориальность” (территориальный тип поселений, локализация этнических анклавов, территориальная мобильность преимущественно в пределах отдельной страны).

В 1990-е гг. в полной мере проявилось и значение новых социальных сетей. Основные социальные позиции начали занимать поколения, привыкшие к сетевому стилю организации культурных взаимодействий. Признанными и наиболее действенными образцами структурирования общества стали сетевые идентичности, для которых принадлежность человека к определенному “месту”, территории, позиции в цепи поколений и социальной иерархии уже не имела былого, определяющего значения. Присоединение к доминирующей культуре в этих условиях уже не могло быть самодовлеющей общественной нормой. Если прежде членство в нации (согражданстве) надо было постоянно подтверждать и доказывать, и человек был готов поступиться собственной идентичностью, чтобы вписаться в отведенную нишу основной культуры, то в последнее десятилетие XX в. ситуация изменилась на прямо противоположную. Определение той или иной культурной модели как базовой, стержневой теперь больше обуславливается личным выбором человека и может ситуативно и многократно изменяться в зависимости от того, какие сетевые ценности и модели поведения для него предпочтительны в данный момент [Бауман, 2002, с. 185–192].

Кризис политики мультикультурализма и критическое осмысление ее результатов

Вызовы, которые мультикультурализм бросил в 1980–1990-е гг. культурно-гражданским основам западных обществ, были расценены сторонниками расширения прав меньшинства как подтверждение необходимости институциональной трансформации этих государств в государства мультикультурные. В государствах иммиграционного типа требования институционализации мультикультурализма быстро стали частью либерально-демократического дискурса и получили легитимное выражение в виде

политики признания (признание культурно-групповых прав, дифференцированных по культурно-групповому признаку) и *политики идентичности* (признание права группы на определение содержания и границ своей идентичности). К этому времени относится признание в ряде государств мультикультурализма как конституционной нормы (Канада, Австралия). На рубеже 1980–1990-х гг. политика мультикультурализма стала ощутимо влиять на содержание и организацию образования в США. Дошкольные учреждения в районах с повышенной концентрацией представителей этнических меньшинств начали практиковать разделение детей по признакам этнической и культурной принадлежности. Были радикально пересмотрены задачи общеобразовательных учреждений в сфере аккультурации иммигрантов. К середине 1990-х гг. торжество мультикультурализма в американских школах, колледжах и университетах было уже полным. Легитимация принципов мультикультурализма наметилась в странах Западной Европы. Хотя в массовом сознании и политическом дискурсе этих стран сохранились представления об иммигрантах как об иностранцах и о своей культуре как о непререкаемом членстве в нации (в силу принадлежности к этнической общности или к суверенному гражданскому сообществу), европейские страны отказались от принципа культурной ассимиляции иммигрантов. Норма мультикультурной политики – право на определение своей идентичности было признано *de facto* или *de jure* принципом интеграции иммигрантских групп в гражданское общество.

Однако триумф политики мультикультурализма парадоксальным образом обернулся против нее самой, подорвал уверенность в возможность с ее помощью быстро и эффективно соединить модели гражданского и мультикультурного общества на началах равенства культур и практик предоставления дополнительных прав и благ в зависимости от принадлежности человека к группе. Обозначилось несоответствие результатов этой политики и самой логики мультикультурных практик основаниям социокультурного единства современных государств – институту унитарного гражданства, национально-гражданской идентичности, лояльности государству по принципу принадлежности человека к национальной территории. Предоставление иммигрантам – негражданам европейских стран широкого набора социальных и политических прав без обязательной смены культурной идентичности (культурной ассимиляции) само по себе не стимулировало их интеграцию в принимающее общество. Там, где признание идентичности получило институциональное воплощение, это создало опасность фрагментации общества по культурным, профессиональным, языковым признакам.

Кризис мультикультурализма как политики признания групповых прав на культурную идентичность стимулировал в 2000-е гг. критику его принципов, целей и практических результатов. Встраивание концепта мультикультурализма в различные идеологические и научные направления общественной мысли способствовало формированию достаточно сложного и разнообразного критического дискурса мультикультурной интеграции и мультикультурного институционализма. Пространство критического осмысления мультикультурной политики соединяется с критическими дискурсами современной западной политической теории – критикой современного, индивидуализированного общества и критикой демократического плюрализма [Бауман, 2002; Дзолло, 2010]. Тем не менее диалог по поводу “провала” политики мультикультурализма сохраняет свое смысловое пространство. Смысловые и ценностные рамки этого пространства, как кажется, очерчивают два смысловых концепта, представляющих крайние полюса критических оценок мультикультурной политики.

Первый концепт, согласующийся скорее с либеральной критикой политики мультикультурализма, трактует ее как попытку западных демократий сохранить контроль над культурным разнообразием современного общества, обеспечить интеграцию культурных различий путем уступок их носителям и сторонникам. Главный вопрос продолжения мультикультурной политики в этом случае понимается как проблема интеграции многочисленных иноэтнических групп мигрантов без их ассимиляции [Малахов, 2002, с. 48]. Второй концепт, несущий на себе отпечаток консервативного дискурса, педалирует “недопустимость пренебрежения принципами либерализма и

демократии в угоду требованиям специфических религиозных, этнических и культурных сообществ” [Иноземцев, 2003, с. XIV]. Главная проблема политики мультикультурализма в этом смысле поле предстает как проблема согласия/несогласия ее приверженцев принять нормы либерального общества, а в более широком плане – как “неготовность представителей незападного мира принять западную модель, которая одна только и может стать основой для подлинной свободы” [Иноземцев, 2003, с. XXIX].

Можно заметить: при явно разном понимании степени и возможности уступок мультикультурализму со стороны либеральных обществ оба концепта вполне совместимы друг с другом в определении среды мультикультурных движений, рамок политизации культурных различий. Эти рамки и эта среда в обоих концептах *замыкаются в границах либеральных государств*, другими словами, определяются государственно-центрической картиной мира – так, как если бы основания, главные составляющие этих государств по-прежнему составляли единое целое и отделяли бы гражданское ядро их обществ от внешней и внутренней мультикультурной среды. И в том и в другом случае речь идет о взаимодействии различных культурных сообществ в *единой стране*, образ которой принимается в качестве безусловного идентификационного поля (фона) политики культурного разнообразия. По-разному акцентируется смысловое содержание этого поля, то, что фиксируется в качестве самоочевидных фактов, самоподтверждаемых оценок. Либеральная точка зрения принимает как самоочевидный акт сосуществования в одном государстве различных культур и критикует исключительно практику *раздельного* и *замкнутого* существования сообществ в пределах одного государства, тогда как более консервативный подход считает самоочевидным *неравенство* доминирующей гражданской культуры и различных религиозных и этнических общин и настаивает на свертывании предоставления прав членам этих общин на основе их групповой принадлежности.

Но, если исходить из факта дезинтеграции национальных государств, разрушения связности образующей их национально-гражданской общности, изменений в структуре государственно-гражданской общности, то и тот, и критический подходы к политике мультикультурализма представляются довольно ограниченными, статичными, не учитывающими размывание самого понятия гражданской интеграции общества. Условием и результатом политики мультикультурализма становится разделение главных составляющих гражданского единства общества и государства и института гражданства как нормативного выражения такого единства: коллективной идентичности, политического членства в нации и прав на социальные гарантии и привилегии. Только вторая из этих составляющих в целом еще сохраняет связь с территориально ограниченным “внутренним” миром государства и гражданского общества, но две другие уже не связаны между собой, они утрачивают связь с институтом гражданства и начинают базироваться на *транснациональной основе*.

В этом контексте, который, как кажется, лучше всего отражает логику политики мультикультурализма и ее главные результаты, необходимо выделить еще одно направление критического осмысления опыта мультикультурных преобразований. Основной упор это направление делает не на идентификационные моменты политики мультикультурализма (идеальный, целостный смысловой образ взаимодействия и интеграции культурных различий в границах отдельно взятых стран), а на растущее “устранение территориального измерения политики, власти и управления” [Held, 1997, p. 32], развитие транснациональных общностей, основанных на религии, знании, родстве, политических ценностях и т.д. [Rosenau, 1990, p 17; Бек, 2001, с. 70].

С позиций роли культуры в современных политических процессах, это направление лучше всего обосновано в концепции С. Бенхабиб, трактующей мультикультурность как активное включение граждан в публичную жизнь гражданского общества. Главным фактором утверждения на авансцене гражданской жизни политики и самого феномена мультикультурализма в ее интерпретации выступает “эффект расщепления” основных измерений гражданства, а наиболее острой проблемой формирования

“плюралистической демократии” – вопрос: что идет на смену модели национальных государств? [Бенхабиб, 2003, с. 213–222]. Требования мультикультуралистов, аргументирует она свою оценку, противоречат идеальной модели гражданства “во всех отношениях: они выступают за плюрализацию культурных идентичностей, призывают децентрализовать административное единообразие и создать множество правовых и полномочных иерархий; они требуют передачи демократической власти регионам или группам; они приветствуют ослабление связи между длительным проживанием на определенной территории и гражданской ответственностью” [Бенхабиб, 2003, с. 216–217]. Риски политики мультикультурализма, по ее мнению, определяются не самим по себе фактом нарастания культурного разнообразия, а его специфической глобальной модальностью – “появлением постоянного потока лиц без всяких обязательств, производства без ответственности, новостей без общественной морали...”; но, “вопреки интернет-утопиям о глобальной демократии, демократическое гражданство невозможно без обязательств; обязательства требуют ответственности и привязанности” [Бенхабиб, 2003, с. 218]. Главным вопросом оценки результатов и перспектив мультикультурной политики становится возможность сохранения ее демократической составляющей – гражданско-демократического действия, способного объединить разные культуры и религии вокруг неотложных проблем существования проблем человека и человечества. Практическим результатом критики этой политики, полагает С. Бенхабиб, должно стать не свертывание культурного плюрализма (что уже практически невозможно), а институциональное балансирование, с одной стороны, требований индивидуальной автономии участников межкультурного диалога (самоопределяющихся в своей идентичности), и с другой – претензий на коллективную автономию отдельных культурных групп.

Феномен “вторичного” мультикультурализма

Расцвет идеологии мультикультурализма в конце XX в. совпал с появлением в западных странах радикальных демократических движений, добивающихся перераспределения полномочий государства в пользу структур гражданского общества, и крупнейшими изменениями в мире в начале 1990-х гг. после краха коммунизма и распада Советского Союза. Эти изменения резко расширили политическую и идеологическую арену мультикультурализма, его значение как *модели плюралистического общества*. На волне “демократической эйфории”, порожденной советской перестройкой, возникли представления об исчерпании возможностей авторитарного типа модернизации и безальтернативности либерально-демократического пути к современности. Нормативной парадигмой политических изменений стала теория переходных обществ, которая возвела в принцип рыночно-либеральный универсализм – идею неизбежности перехода к рыночной организации экономики и институциональному порядку современных западных обществ. Для демократических или квазидемократических элит стран Восточной Европы и новой России эти представления получили значение образца, однозначного символа современности и цивилизованности. Идеологизированному восприятию модели демократических преобразований соответствовало отношение к плюрализму как к сверхценности, более значимой, чем консолидация общества и формирование национально-гражданских идентичностей там, где они остаются слабыми или не сложились. На этой почве из идей “демократического транзита” без прочной политической базы демократии в виде демократических массовых организаций возник своеобразный феномен “вторичного” мультикультурализма, восприятие внешних форм политики идентичности в отрыве от их естественной “почвы” – массовых движений за равноправие этнических и расовых меньшинств и развития сетевых трансграничных сообществ.

В России феномен “вторичного” мультикультурализма приобрел сложное, разнообразное, противоречивое содержание. Масштабное разрушение в 1990-е гг. советской идентичности, опиравшейся в значительной степени на авторитарные структуры

власти, но преодолевавшей в культурном плане этнические и религиозные разделения, обеспечивавшей единство культурного пространства огромной страны, компенсируется ростом значения этнических и региональных идентичностей. Политизация этничности, естественная и закономерная в силу наделения отдельных этнических общностей признаками политической субъектности и традиционного восприятия этнической идентичности как качества (“сущности”) группы, а не лица, усиливает тяготение к институциональной модели мультикультурализма. Характерная для институционального мультикультурализма идея конституирования группы или народа утрачивает в этом случае присущую либерально-демократическому дискурсу идею гражданских прав, гражданской идентичности и может становиться оправданием этнического сепаратизма и практик этнократической власти режимов, что и проявилось в ряде национальных республик на рубеже 1980–1990-х гг. В то же время в российскую политическую практику 1990-х гг. вошла и получила концептуально-правовое обоснование и собственно демократическая составляющая доктрины и политики мультикультурализма. “Демократический транзит” проявился в создании института национально-культурных автономий (НКА). В Концепции национальной политики Российской Федерации 1996 г. создание и развитие института НКА было признано одним из главных направлений деятельности государства. В том же году был принят Федеральный закон о национально-культурной автономии. Категория НКА как добровольного, нетерриториального культурного объединения вошла в российский этнополитический дискурс и заняла в нем довольно прочное место.

Однако в 2000-х гг. модель мультикультурной политики перестала быть частью российского политического дискурса и не получила дальнейшего институционального развития. Падению интереса к мультикультурной демократии способствовал ряд факторов: централизация структуры государственного управления, замещение национальной политики федерального Центра политикой регионального строительства, широкое распространение этнического (негражданского) дискурса о “коренном и других народах”. Тем не менее вполне очевидно, что проблема культурных различий и межкультурного диалога в полной мере сохраняет свое политическое значение и в современной России. В условиях незавершенности формирования российской идентичности, неясности ее базовых ценностей и смысловых ориентиров политика культурного самоопределения России и ее народов остается одним из наиболее востребованных направлений деятельности государства, диалога власти и общества.

* * *

Мультикультурализм представляет собой, безусловно, сложное, комплексное явление, имеющее собственную логику и динамику развития. Это развитие невозможно отделить от глобальных, реально существующих трансформаций современного мира, усиливающих значение культурных различий и культурных идентичностей. Задача, которая стоит перед современными государствами, особенно в сфере занятости и образования, обеспечения гражданских свобод, заключается не в подавлении или искусственном ограничении стремления людей сохранять и публично выражать свою идентичность, в том числе и коллективную, а в нахождении гибкого и разумного баланса между этими претензиями и принципами национального гражданства, свобод и равенства граждан независимо от их этнических, религиозных, расовых различий, в сохранении, а не ослаблении консолидирующих традиций и норм гражданской идентичности и института гражданства. Вопрос о перспективах мультикультурализма остается одной из важнейших открытых проблем современного гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М., 2002.
- Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001.
- Бенхабиб С.* Притязания культуры, равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.
- Буржо А.* Счастливым народам этносы не нужны // Этнопанорама. 2005. № 3–4.
- Дзоло Д.* Демократия и сложность. Реалистический подход. М., 2010.
- Иноземцев В.Л.* Испытание культурой // *Бенхабиб С.* Притязания культуры, равенство и разнообразие в глобальную эру. М., 2003.
- Кастельс М.* Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999.
- Малахов В.* Зачем России мультикультурализм? // Мультикультурализм и трансформации постсоветских обществ. М., 2002.
- Нейсбит Дж.* Мегатренды. М., 2003.
- Пайн Э.* К вопросу о “крахе” мультикультурализма в Европе (<http://demagogy.ru/pain/blog/2011-03-05/k-voprosu-o-krakhe-multikulturalizma-v-Europe>).
- Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004.
- Held D.* Demokratie, Nationalstaat und die globale Weltordnung // Politik der Globalisierung. Frankfurt a. Main, 1997.
- Kalantzis M., Cope B.* Multiculture Education: Transforming the Mainstream // Critical Multiculturalism. Rethinking Multicultural and Antiracist Education. L., 1999.
- Rosenau J.* Turbulence in World Politics. Brighton, 1990.

© И. Следзевский, 2013